

Дрезин Марк Александрович, соискатель

*Департамент правового регулирования экономической деятельности
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
Российская Федерация, г. Москва*

СООТНОШЕНИЕ ПРИНЦИПОВ РАЗУМНОСТИ И ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В СИСТЕМЕ ОЦЕНОЧНЫХ КАТЕГОРИЙ ЧАСТНОГО ПРАВА

Аннотация: в настоящей статье рассматривается вопрос о соотношении в системе оценочных категорий частного права принципов разумности и добросовестности, у которых присутствуют как сходные, так и отличные черты, а также самостоятельное значение, и в процессе их реализации при применении одного из них нельзя исключать и роль другого.

Ключевые слова: добросовестность, разумность, соотношение, принцип, частное право, гражданское право.

Abstract: This article considers the correlation in the system of assessment categories of private law of principles of reasonableness and good faith, which have both similar and distinct features, as well as independent significance, and in the process of their implementation when applying one of them the role of the other cannot be excluded.

Key words: good faith, reasonableness, balance, principle, private law, civil law.

Перед тем как переходить непосредственно к исследованию соотношения принципов разумности и добросовестности необходимо отметить, что

отличительные черты оценочных категорий частного права представляют собой следующее [9]:

1) Наличие диспозитивности, а также возможности вариативности содержания оценочного понятия по соглашению между сторонами правоотношения, которая не зависит от существующей судебной практики либо обычая делового оборота, делового обыкновения и т.д.;

2) Данные оценочные категории могут быть найдены, а также закрепляются не только в нормах гражданского законодательства, но и в гражданско-правовых договорах и сделках;

3) Оценочные понятия частного права меньше всего поддаются стандартизации, в отличие от оценочных понятий в общей теории права и государства, и в отраслевых науках. Это вытекает из принципа равенства участников гражданских правоотношений.

В современном отечественном гражданском праве принципы разумности и добросовестности возможно понимать не только как сами основные начала (принципы) гражданского права, но и как критерии реализации субъективных гражданских прав [12].

Важно отметить, что скрупулезная разработка принципов добросовестности и разумности, а также их критериев в подавляющем случае – это прерогатива судебной практики. В научной юридической литературе предпринимались различные попытки дать общее толкование принципам «добросовестность» и «разумность», а также привести наглядные примеры и недобросовестного и неразумного поведения.

Категории «добросовестность» и «разумность» взаимосвязаны диалектически и являются, как мы ранее уже упоминали, оценочными понятиями в праве. Установление четкого содержания и границ данных понятий – это довольно непростая задача, потому что оценочные понятия включают в себя субъективное восприятие того или иного действия или бездействия [5].

Осложняется введение в законодательство оценочных понятий, еще и тем, что эти понятия со временем проходят процесс трансформации и оказываются включенными в все большее число нормативных правовых актов. В результате задача по правильному толкованию данных понятий участниками гражданских правоотношений, становится все более трудноисполнимой [3].

По мнению С. А. Ивановой, «добросовестность и разумность - это составляющие (границы) принципа социальной справедливости, которыми последний, однако, не исчерпывается. Нормы объективного права описывают поведение эталонных (средних) людей, способных осознавать определенный объем причинно-следственных связей окружающего мира, в том числе и границы чужих интересов. Отсюда можно вывести правило: каждый вменяемый человек, совершая любое действие, не должен нарушать справедливую границу интересов других лиц и всего общества» [10].

Что касается непосредственно вопроса о соотношении принципов разумности и добросовестности гражданского права, то в настоящее время он является достаточно дискуссионным в цивилистической науке.

Например, О. А. Потапова считает, что при решении вопроса о добросовестности необходимо помнить о действии принципа разумности. По ее мнению категории разумности и добросовестности тесно взаимосвязаны. Однако добросовестность, в свою очередь, в большей степени, характеризует объективную природу осуществления: прав, в отличие от разумности, которая отражает субъективную сторону [11].

Некоторые ученые объединяют принцип разумности и принцип добросовестности в один общий «принцип добросовестности и разумности» [8].

Также нередко в современной цивилистической литературе мы можем обнаружить, что «добросовестность» раскрывают через «разумность», тем самым их отождествляя эти понятия [13]. Однако, несмотря на некоторую схожесть данных терминов, понятие «добросовестность», которое закреплено в актуальной формулировке статьи 10 ГК РФ, а именно «Добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий» -

отличается от других понятий добросовестности, используемых в ГК РФ. Другие понятия добросовестности используются больше в качестве «технических» терминов, чтобы дать расширительное толкование понятию «виновность» и как следствие создать специальные правовые режимы. Подтверждение данному выводу можно найти в самих нормах ГК РФ, где о «добросовестных состояниях» упоминается только в семи статьях ГК РФ, а режимы, отражающие всю ту же юридико-техническую сторону понятия bona fides, встречаются и так или иначе используются уже в тридцать одной статье ГК РФ.

Другой ряд ученых считают разумность один из аспектов принципа добросовестности. В частности, В. А. Белов рассматривает принцип добросовестности как более общий по отношению к принципу не только разумности, но и справедливости [1].

Е. В. Богданов, в отличие от О. А. Потаповой, полагает, что разумность применяется для оценки объективной стороны поведения субъекта, а субъективную сторону его поведения характеризует добросовестность [2].

Емельянов В. И. отмечает то, что между принципами разумности и добросовестности имеется тесная взаимосвязь. Ученый считает, что понятие разумные физические действия означает не любые действия обычного среднестатистического человека, а лишь те действия, которые совершаются добросовестно, т.е. имеются в виду средние действия субъекта, не желающего вреда лицу, указанному в законе или договоре, а также предпринимающего все возможные усилия предвидения и недопущения этого вреда [6].

Ю. В. Виниченко, в свою очередь, считает, что принцип добросовестности в частном праве имеет более ограниченное действие, чем принцип разумности. Аргументирует автор это тем, что принцип добросовестности может применяться только для оценки субъектов и их действий. А что касается принципа разумности, то данный принцип применим также для оценки других связанных с такими действиями явлений правовой действительности (вреда, расходов и т.п.) [4].

Упомянутая выше точка зрения ученого имеет важное значение не только в отношении определения ограниченной или не ограниченной сферы действия исследуемых принципов, но и в большей степени в отношении самостоятельности принципов разумности и добросовестности и их отдельной реализации.

Принципы разумности и добросовестности в системе оценочных категорий частного права, имеют как сходные черты, так и самостоятельное значение, и в процессе их реализации при применении одного из них нельзя исключать и роль другого.

Основные сходные черты разумности и добросовестности гражданского права выглядят следующим образом:

- 1) Общий нравственный характер исследуемых принципов, или, иными словами, их морально-правовая природа;
- 2) Закрепление в виде принципов-презумпций;
- 3) Наличие пределов осуществления и защиты гражданских прав (п. 3 ст. 10 ГК РФ);
- 4) Оба принципа разумности и добросовестности представляют собой непостоянную границу дозволенного, правомерного поведения между своими и чужими интересами, которая должна сбалансировано учитывать интересы всех участников гражданских правоотношений.

В данной ситуации стоит упомянуть верное замечание В. И. Емельянова, который считает, что граница разумности и добросовестности разделяет противоправные и правомерные вредоносные действия. Первые являются недостаточно эффективными, вторые, несмотря на свою вредоносность, отвечают требованию минимально обязательной эффективности [7].

Несмотря на явное наличие сходных черт принципов разумности и добросовестности, они имеют и свои собственные, уникальные отличительные признаки, которые имеют объективный и субъективный характер и которые позволяющие собственно разделять их на отдельные принципы гражданского права, а именно:

1) С субъективной стороны принцип разумности – это познавательная способность лица или интеллектуальная сторона действия, а в основе субъективной стороны принципа добросовестности лежит критерий «знал - не знал»;

2) Объективный критерий принципа разумности представляет собой целесообразность, а принципа добросовестности – типичность поведения участников гражданских правоотношений.

В поддержку точки зрения о самостоятельности принципов разумности и добросовестности говорит и тот факт, что действия участников гражданских правоотношений в конкретных случаях могут быть разумными, но в свою очередь недобросовестными.

Также, при изучении различных статей ГК РФ (ст. 984, 254, 738, 428, 520, 530, 744 и др.) можно обнаружить, что принцип разумности применяется не только для оценки действий самих субъектов гражданских правоотношений, но и иных правовых явлений (вреда, расходов, сроков и др.)

Таким образом, можно сделать однозначный вывод о том, что принципы разумности и добросовестности не взаимоисключают, но дополняют друг друга.

К основным выводам настоящей статьи следует отнести следующие:

1) Принципы разумности и добросовестности гражданского права имеют определенные сходства и общие черты – это общий нравственный характер исследуемых принципов, их морально-правовая природа; их закрепление в виде принципов-презумпций; наличие у обоих принципов пределов осуществления и защиты гражданских прав; оба принципа представляют собой непостоянную границу дозволенного, правомерного поведения между своими и чужими интересами, которая должна сбалансировано учитывать интересы всех участников гражданских правоотношений.

2) Принципы разумности и добросовестности гражданского права имеют самостоятельное значение, и в процессе их реализации при применении одного из них нельзя исключать и роль другого.

Библиографический список:

1. Белов В. А. Добросовестность, разумность, справедливость как принципы гражданского права // Законодательство. 1998. - № 8. - С. 50.
2. Богданов Е. В. Категория «добросовестности» в гражданском праве // Справочная правовая система «Гарант - максимум». - М.: «ГАРАНТ — Москва». - 2009. - С.13.
3. Василенко Е. В. Некоторые доктринальные подходы к проблемам разумности и добросовестности в гражданском законодательстве России // Общество и право. 2011. - N 5(37). - С. 93-94.
4. Виниченко Ю. В. Разумность в гражданском праве Российской Федерации: Дис. канд. юрид. наук. Иркутск. - 2003. - С. 59.
5. Грудцына Л. Ю. Институты гражданского общества в системе частноправовых и публично-правовых отношений // Образование и право. - 2014. -N 3(55)-4(56).
6. Емельянов В. И. Понятие «разумность» в гражданском праве России // Вестник ВАС РФ. 2002. - № Ю. С. - 103, С. 118-121
7. Емельянов В. И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами // М.: «Лекс-Книга». - 2002. - С. 131.
8. Иванов И. Л. Гражданско-правовая ответственность лиц, участвующих в управлении акционерным обществом в праве России и Германии. Дисс... к.ю.н. М. - 1999. - С. 144.
9. Иванова С. А. Договор об образовании: понятие, содержание, правовое регулирование // Образование и право. 2014. - N 9(61)-10(62).
10. Иванова С. А. Некоторые проблемы реализации принципа социальной справедливости, разумности и добросовестности в обязательственном праве // Законодательство и экономика. 2005. - N 4. - С. 8.
11. Потапова О. А. Принципы гражданского права: Дисс.канд. юрид. наук. Ульяновск, 2002: - С. 89.

12. Шагиева Р. В. Процессуальное право в системе российского права // Административное право и практика администрирования. 2014. - N 2. С. 1-18.

13. Шагиев Б. В., Шагиева Р. В. Правоохранительная деятельность: проблемы теоретического обоснования // Административное и муниципальное право. 2014. - N 6. С. 538-549.